

МАНЯ величия переносится кинематографистами много легче, нежели писателями. Слово коварней пленки. На месте Бондарчука Толстой либо Солженицын давно уже сели новую Библию писать — есть ли смысл на людей размениваться, мы уже вознеслись достаточно для голой морали. Сказка ложь, переходим сразу к намеку.

В кино так не выйдет. Сколько камеру сентенциями ни корми, а сюжет подай, и людей вынь да положь. И причисливший уже себя к лику один из четырех-пяти конвертируемых наших режиссеров, в присутствии которого по табели о рангах Михалкову - Кончаловскому, положим, и сидеть-то не положено, — все же от «Отца Сергия» вернулся к «Тихому Дону». К людям. В мир.

Ибо хоть он и открыто посожалел о провале переворота в сентябрьской «Правде»-91;

хоть он и топтал от души творческую молодежь; хоть и был допущен к ручке, и с удовольствием оную лобзал;

хоть и кидал в пасть красным коллег и порядочных чиновников —

и вообще вел себя, как последний Всеволод Вишневский, — а все же сделал самый жуткий и честный принципиально фильм о войне. Из посредственной повестушки Шолохова, которого уже тогда подкарауливал тяжелый недуг русских словесников и который за год до смерти заявил в интервью Анатолию Софронову ни много ни мало: «Трудно писать правду, но истину — еще труднее»; из недоэпопеи, с замахом на рубль, а ударом на копейку он сделал черную жуть с гарью и кровью — не романтически алой кровью, а жирной и обильной черной кровью натуральной школы. «Доктор, сука, вредитель! Хрен ли ты сапог режешь?» — и умным ясно, сколько стоит это потешное «вредитель» применительно к дотошному старичку, и что сапог с раненой ноги не снимают —

тоже ясно. Это только настоящие люди на раздробленных конечностях по лесу шастают, а в жизни так не бывает, хоть тресни. И понятно, почему артиллерюги под выстрел карандаш в рот суют: зубами клацнуть до ужаса хочется, а давление изнутри и снаружи должно быть равным. И почему после

колхозное крестьянство из партизанских краев и областей, не бедствующее, да и воюющее не в упор, а сзади — ухари в кубанках да деды Щукари с суворовской смекалкой, одним махом семерых убивахом.

Даже «Аты-баты» были не по времени залихватскими, а в «На войне как на войне»

Москва. Кончаловский. 1993. — 140 стр.

СЛУГА ЦАРЮ, ОТЕЦ СОЛДАТАМ

Похвальное слово киногенералу Сергею Бондарчуку

войны они говорят так громко. И отчего хлеб такой роскошный на полях-то сражений, и из чего на этих полях чернозем. Царица полей кукуруза из царицы полей пехоты.

НАК ни крути, а все остальные наши бранные картины снимались о военной интеллигенции — о летчиках (незабвенная «Хроника пикирующего бомбардировщика», «В бой идут одни «старики», «Торпедоносцы»), моряках («Командир счастливой «Щуки» и т. д.), в крайнем случае, про отъехавшее военно-

взяли да оставили в живых лейтенанта Саню Малешкина, которому по книге в момент его триумфа и присвоения Звезды вдруг отрывает шальным осколком голову и — слава, слава, слава героям. Не реви, баба темная. И весь смысл оттого пропал.

Особняком стоял один «Горячий снег» — кстати, также принадлежащий перу махрового реакционера. Там даже посмеялись над плюмажной войной, покашливая хмуро. Вылетает на снег полуголый недобрый душка-комбат — брюнет курчавый — и ну лу-

пить по самолетам из «дегтяря» — красиво, мать етить! — и девочка полковая санитарная за ноги цепляется, а сама гордится. А как дошло дело до прямой наводки — фуфло комбат, и пальцы поморозил, а работает как раз самая что ни на есть серая скотинка в подпаленных шапках и ни капельки не гусары.

Все прочее — литература. О теленках-лейтенантах.

Все они красавцы, все они таланты, все они поэты. Чистая высокая любовь к соседкам-бомбардировщицам, чистые простыни, семейные обожения на корабельных базах и концерты школьников в домах офицеров. Опять же «кто сказал, что надо бросить песни на войне?». В «Торпедоносцах» поют, «как ходили мы с тобой до вечера, как любили мы с тобой доверчиво», в «Стариках» поют «выйди, родимая, хоть на хвильночку в гай», в «Хронике» — «к земле приковыны туманом». Кишки на пол не вываливаются, зубы о сухари не крошатся, на встречах баб волком, как на Красных Шапочек, не смотришь, смерть прекрасна, словно у Андрея Болконского на Аустерлицком поле: «Прощай, Дженни, прощай, Дженни, прощай, не грусти».

От жалости щемило сердце, слезы наворачивались, и было видно, что это не война. Пайковый шоколад, почести, залпы над могилой, звездочки на фузеляже и подруга с косой, которой «скажут — она зарывает», — так воевать было можно. Разве что гробы во флаг не заворачивали. Зато в «Следую своим курсом» усопших красиво на воду спускали, с бескомпромиссом.

А Стрельцову мутно. уши повыбило и речь нескладная. А Звягинцев откопался после полета и валит по одному наступающих фрицев, а они идут себе, и никто больше не откликается, и идут все на тебя одного — пятьсот, тысяча, и пока там пулеметчица Анка подпустит поближе, тебя сто раз кондратий хватит, потому как хоть и велика Россия, а за спиной — такая же голая степь, как и спереди. А Шура Копытинский — раздолбай в пилотке влагалищем, зато патрон загоняет вовремя? А веселый мокрушник Лопехин?

Зря Пьецух поддел Бондарчука в «Последнем гении» — мол, растратив себя Шукшин, отработавая киноподецину у вельможи. Лопехин, которому война — мать родна, который убивает — как косой машет, обаяха Лопехин, а по сути форменный бандит, который обязательно выживет и еще в сорок пятом ох как затоскует по легкой крови, — так и остался одним из самых ярких образов нашего доброго обычного кино.

И на всю бравую киноленту писали только в «Стариках» сказали раз: «А первым на рейхстаге распишется рядовой пехотный Ваня, да и по праву». И вышло, что единственный настоящий фильм про Вань снял самый что ни на есть аристократ и барин Сергей Бондарчук, за что ему слава великая. Про работаю, воюющих честно лоб в лоб, а значит, числом воюющих, а не умением — с кровью, под ногти ввевшейся, и оскорбительными осколками в заднице.

У ДВОРЯНСКОЙ интеллигенции принято было за народ болеть, и какие бы С. Ф. ни снимал после «Красные колокола», а в тот момент повел себя, как настоящий земский доктор. Если не сказать декабрист.

Пусть и дико любящий себя любимого за талант, честность, ум и доброту.

И за то, какой он замечательный прижизненный классик. *Горелов В.*